

В произведениях *Иф.* автор является действующим лицом сюжетного плана своего повествования и/или передает право вести повествование другому лицу — повествователю. На поверхностном уровне повествователь является полным аналогом автора, причем автора, находящегося в том же пространственно-временном мире, что и остальные персонажи произведения. Из этой пространственно-временной общности вытекают основные семантические особенности *Иф.*: 1) достоверность («я сам это видел», «это произошло со мной»); 2) субъективность (мир изображен участником событий, т. е. лицом заинтересованным, не беспристрастным); 3) неполнота (изображаемый мир ограничен опытом и кругозором повествователя)².

В произведениях *IIIф.* образ автора выделен и противопоставлен всем остальным персонажам как фигура иного пространственно-временного плана (исключения составляют переходные случаи, о которых см. с. 514), так как он является творцом, создателем того мира, в котором существуют остальные персонажи произведения. Из этой пространственно-временной разделенности вытекает основная семантика *IIIф.* — семантика вымысла. (Оговоримся — семантика вымысла, характерная для *IIIф.*, отнюдь не противоречит художественной правде литературного произведения. Писатель создает некий фрагмент модели человека и общества в их духовном взаимодействии. Он не скрывает, что созданная им модель — не исторический документ, как это имитируется в *Иф.* Но достоинство и правдивость художественного произведения измеряются не правдой факта; важна правдивость существа моделируемых духовных явлений, которая может быть передана — в зависимости от замысла писателя — как при соблюдении внешнего правдоподобия, так и при его нарушении, как на реальном историческом материале, так и на материале вымышленном.)

IIIф. не имеет тех, обусловленных самой формой повествования ограничений на полноту изображения внешнего и внутреннего мира, которые характерны для *Иф.*, поскольку автор-творец, в отличие от автора-мемуариста, волен описать выдуманные им события с любой степенью полноты (от глубочайшего всеведения автора «Войны и мира», который знает о внутреннем мире своих персонажей больше, чем они сами, и до намеренно суженной картины мира, показанного с позиции собаки в «Каштанке»).

В *IIIф.* наличие автора-творца, стоящего над персонажами, предполагает объективность изложения материала, в отличие от *Иф.*, где повествователь — свидетель и участник событий — имеет свой субъективный взгляд на происходящее, оказывается необходимо пристрастным, как всякий заинтересованный человек³.

Таким образом, специфической семантикой *IIIф.* является вымысел, полнота изображения внешнего и внутреннего мира, объективность.

* * *

В произведениях, написанных в *IIIф.*, можно выделить две основные группы по наличию или отсутствию актуализованного автора-сочинителя. Произведения, где автор выражен эксплицитно («Дафнис и Хлоя», «Тристан и Изольда», «Смерть Артура», «Дон Кихот», «Кандид», «Том Джонс», «Вильгельм Мейстер», «Шагреневая кожа», «Мертвые души», «Пиквикский клуб», «Ярмарка тщеславия», «Отцы и дети», «Идиот», «Том Сойер», «Восстание ангелов», «Иосиф и его братья» и др.), отнесем к Первой специфической группе (в дальнейшем — *1с.*); произведения, где автор имплицитен

² Подробнее см. *Атарова К. Н., Лескин Г. А.* Указ. соч.

³ Речь идет об объективности автора, которую допускает сама форма повествования и которую писатель может актуализовать или ослабить по своему усмотрению. На глубинном уровне писатель всегда и неизбежно обнаруживает свою субъективность, или «самость», как говорил Белинский. Ср. объективную авторскую позицию и очевидно субъективную позицию писателя в «Войне и мире».